

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

*Евения
Горская*

Читайте романы Евгении Горской в серии
«ТАТЬЯНА УСТИНОВА РЕКОМЕНДУЕТ»:

Жена Цезаря вне подозрений
Все мы только гости
Под защитой высших сил
Мой дом - чужая крепость
Дар или проклятие
Сбываются другие мечты
Приют миражей
Карма несказанных слов
Сильнее неземной любви
До последнего вздоха
Белая невеста, черная вдова
Судьбу случайно не встречают
Неспособность любить
Груз семейных ценностей
Врагов не выбирают
Ненависть - плохой советчик
Незримые нити
Мы все не ангелы
Пока ложь не разлучит нас
Знать правду не страшно
Чужих не жалко

*Евгения
Горская*

ДАР
ИЛИ ПРОКЛЯТИЕ

СБЫВАЮТСЯ
ДРУГИЕ МЕЧТЫ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г70

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *С. Курбатова*

Горская, Евгения.

Г70 Дар или проклятие; Сбываются другие мечты : романы /
Евгения Горская. — Москва : Эксмо, 2022. — 464 с.

ISBN 978-5-04-156454-4

Дар или проклятие

Услышав от подруги, что она видела ее мужа с другой женщиной, Наташа почти не удивилась. Она давно уже мысленно поставила на их браке крест, ведь от мамы ей передался дар предчувствовать беду... Проблемы на работе заставили на время забыть о личных переживаниях: кто-то пытался проникнуть в ее компьютер. Но кому и зачем это могло понадобиться? У Наташи нет врагов, ее уважает начальник, она очень дружна с его маленьким сынишкой Сережей, которого тот частенько приводит на работу. Александрина, жена шефа, даже начала ревновать... А потом события стали развиваться совсем непредсказуемо! У Наташи пропал мобильник, и она, сопоставив факты и доверившись своему дару, поняла: телефон украли, чтобы с его помощью обманом выманить Сережу из школы. Надо срочно придумать, как предотвратить похищение мальчика!

Сбываются другие мечты

В последнее время в жизни офтальмолога Екатерины Бородиной начались странности: к ней на прием пришел импозантный мужчина, каких нечасто увидишь в районной поликлинике, а после работы он встретил ее с букетом роз. На влюбленного пациент не очень походил, и Катя не понимала, что ему от нее нужно... Ей вообще было не по себе с тех пор, как она увидела падающую на асфальт Ольгу. Сбившая ее машина скрылась, Катя подбежала к своей медсестре первой и сразу поняла: травмы едва ли совместимы с жизнью... За несколько дней до гибели Ольга оставила в кабинете ноутбук. Катя собиралась вернуть его мужу подруги, но сначала решила удалить оттуда свои фотографии и наткнулась на странный видеофайл: пара катается по озеру, потом парень вдруг начинает раскачивать лодку, девушка в ужасе цепляется за борт, а в следующем кадре ее уже нет... Что это за запись, кто на ней снят и какое отношение все это имеет к Ольге? Неужели она стала свидетельницей преступления и поплатилась за это жизнью?

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-156454-4

© Горская Е., 2022

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

■

ДАР ИЛИ ПРОКЛЯТИЕ

ВЕЛИКАЯ СИЛА НАСТОЯЩЕГО ДЕТЕКТИВА

Писать детективы трудно — утверждаю как писатель, написавший некоторое количество именно детективов. Смее утверждать также, что детектив — серьезное, интеллектуальное чтение. Ну, разумеется, правильно написанный детектив!.. Читатель следует за сюжетом, придуманным автором, не в силах оторваться, — именно в этом великая сила настоящего детектива и настоящего детективного автора: увлечь, заманить, заставить блуждать в лабиринтах, бояться и радоваться, сочувствовать и негодовать. Евгения Горская — настоящий детективный автор. От ее книг невозможно оторваться.

Но бывает и по-другому. В начале двадцатого века жил канадский писатель Стивен Ликок, прославившийся в основном своими легкими юмористическими рассказами. Ликок посмеивался над тогдашними детективами; он говорил, что любой детективный рассказ имеет бешеный успех ровно до развязки. Еще бы: великий сыщик бродит впотьмах, полиция в очередном тупике, улики пропали, а героиня похищена злодеем и сейчас в смертельной опасности! И вот тут-то автору бы и закончить свой рассказ, но нельзя! И приходится как-то... разбираться со всем этим, придумывать объяснение происходящему, а получается топорно, надуманно, неумело.

Прошло ровно сто лет, но ничего не изменилось!.. Множество великолепных и захватывающе начинавшихся детективов не имеют сколько-нибудь приличной развязки. В сюжете зияют огромные дыры, герои действуют нелогично, а все расследование оказывается простейшей схемой, зачастую завязанной на одном-единственном или нескольких совпадениях. Дочитав такого рода книженцию, я чувствую, что меня надули, подсунув фальшивку.

Когда подошел к концу новый детектив «Дар или проклятие» Евгении Горской, я тоже почувствовала разочарование, возможно даже обиду, но принципиально иного толка!.. Просто закончилась впечатляющая своей изысканной запутанностью, немного страшная, безуко-

ризненно написанная, захватывающая, напряженная и пронзительная сказка, в которой мне повезло прожить целый вечер.

Казалось бы, практически невозможно написать книгу, которая держит в напряжении от самого начала и до последней страницы. Чтобы действие только нарастало, чтобы петля сюжета затягивалась все туже, чтобы самые сильные эмоции — любовь и ненависть — били через край, а история на каждом витке совершала головокружительный кульбит, переворачивая все действие с ног на голову, заставляя героев искать спасения там, где спасение, кажется, невозможно. Но Евгении Горской это удалось!..

Я до сих пор была уверена, что невозможно соединить детектив с «саспенсом» — вот не люблю этого слова!.. Оно кажется надуманным, слишком киношным и по сию пору ассоциировалось у меня только с Альфредом Хичкоком и его «Птицами». И вообще эти два жанра казались мне взаимоисключающими. Потому что детектив — суть загадка, требующая стройности повествования и безукоризненной логики. Для «саспенса» же одной тайны мало. А Хичкок так вообще считал, что она вредит. «Саспенс» должен сразу же завладеть нашим вниманием, выложить все карты на стол, без стеснения и жалости играть на наших страхах, погружая нас — зрителей и читателей — в состояние тревожного ожидания чего-то незримого, но грандиозно-ужасного.

И тем более удивительно, что Горской в ее новой книге «Дар или проклятие» удалось совместить эти два на первый взгляд несовместимых компонента: идеальный детектив и гнетущий «саспенс». В результате получился яркий, безумно вкусный и мгновенно опьяняющий коктейль из кристально-чистой логики и вихря неподдельных эмоций.

У Натальи, главной героини романа, есть редкий дар — она умеет предчувствовать беду. Но сможет ли она уберечь саму себя, когда над головой начнут свистеть пули? И ведь она рядовой программист. Кому понадобилось ее убивать? Что она могла видеть или имела неосторожность услышать? И связана ли эта охота с гибелью ее сына — кошмаром, который, казалось, удалось навсегда оставить в прошлом? Кто ее защитит? Как угадать, кто друг, а кто безжалостный убийца, который не остановится ни перед чем? Или все-таки остановится?

Новый детектив Евгении Горской будто бы целиком состоит из неожиданных сюжетных поворотов. И на каждом интрига закручивается все сильнее, а ставки становятся все выше, а в самом конце выясняется, что злодей на самом деле... Впрочем, читайте!

У вас впереди новый детектив! Как я вам, ребята, завидую!

Татьяна Устинова

Понедельник, 9 ноября

Он понимал, что не может оставить ее в живых, и знал, что времени осталось мало.

Самое неприятное заключалось в том, что она ему нравилась, он даже по-своему был привязан к ней и сейчас остро жалел, что на ее месте не оказалась другая, незнакомая ему женщина или по крайней мере менее симпатичная.

Времени оставалось мало, и ему необходимо было продумать все до мелочей. Он еще полежал, глядя в потолок, и осторожно вылез из-под одеяла.

Умерла Зинаида.

Бред какой-то, подумала Наташа. Придет же такое в голову... Она постаралась рассмотреть сквозь плотные занавески, горит ли хоть одно окно в доме напротив. Ни одно не горело, значит, еще глубокая ночь. Наташа повертелась немного, поняла, что не заснет, и тихонько, стараясь не разбудить Виктора, встала.

Аккуратно закрыла дверь в спальню и зажгла свет. Половина шестого, по московским меркам, самое время спать.

Единственной Зинаидой, которую Наташа знала, вернее, не то чтобы знала, а о которой была наслышана, была их дальняя родственница. Эта Зина приходилась отцу то ли троюродной сестрой, то ли какой-то дальней теткой. Родственников у их семьи было мало, и родители старались со всеми поддерживать отношения, но Зинаида знать их не хотела, что всегда вызывало у мамы недоумение и слезы, а у отца злость. Жила тетка Зинаида где-то в среднерусской глуши, где пен-

сии были совсем крохотными, а цены почти московскими, но никакой помощи от них не принимала.

Наташа прошла на кухню, зажгла газ, поставила на плиту чайник и стала смотреть на огонь.

Тихо скрипнула дверь — она все-таки разбудила Витю.

— Не спится? — Муж налил себе воды из хрустального кувшина, выпил и сполоснул стакан. Кувшин подарила свекровь года три назад. Наташа его терпеть не могла. Кувшин практически невозможно вымыть, к тому же она не понимала, зачем он вообще нужен, когда в доме имеются два чайника: обычный и электрический, в каждом из них всегда есть кипяченая вода, и они никогда их одновременно не нагревают.

Муж наклонился, чмокнул ее в шею и слегка сжал плечи, что означало — нравится тебе здесь сидеть, ну и сиди, а я спать пойду.

Когда не спалось ему, это выливалось почти в трагедию: он обязательно начинал выяснять, нет ли в данный момент магнитной бури, не наблюдается ли рост или, наоборот, падение атмосферного давления, не имеет ли место полнолуние или новолуние, или черт знает что еще. При обязательном ежевечернем звонке свекрови он обязательно рассказывал, что очень плохо спал, что теперь весь разбитый и боится не выспаться грядущей ночью. Он и от нее, от жены, в таких случаях ждал сочувствия, но Наташа сочувствия не выражала, она всегда считала, что мужчина должен уметь терпеть лишения и не обращать внимания на обыкновенную бессонницу. Она ему не сочувствовала, и Виктор обижался на несколько дней.

Наташа привычно напомнила себе, что ее муж далеко не самый плохой: не устраивает скандалов по пустякам, не требует от нее кулинарных изысков, стерильной чистоты в квартире, даже цветы дарит часто, а недостатки есть у всех. Хороший у нее муж, только напоминать себе об этом приходится все чаще.

Чайник закипел. Наташа насыпала заварку прямо в чашку, залила кипятком и стала греть о нее руки. Виктора такое ее чаепитие всегда выводило из себя: чай надлежало заваривать исключительно в заварочном чайнике. Таких чайников было

10 два: один для черного чая, другой для зеленого. Еще год назад

Наташе не пришло бы в голову заварить чай в чашке, тогда ей казалось: все, что Витя считает и делает, — единственно правильно, а если сама она поступает не так, как ему хочется, значит, она чего-то не понимает и не соответствует высокому стандарту его жены.

Прошел год с тех пор, когда она поняла, что тяжело ей с собственным мужем.

Наташа отпила ароматной жидкости и зажмурилась от удовольствия.

Тетку Зинаиду она видела только один раз. Наташа была совсем маленькой, когда родители купили машину и поехали вместе с ней в маленький городок к тете. Как ни странно, Зинаиду Наташа помнила отчетливо: высокая худая женщина с кудрявыми темными волосами и белым фартуком, повязанным на цветастом платье. Она одной рукой прижимала к себе маленькую Наташу, гладила ее по голове, а потом повела ее показывать маленьких желтых цыплят на соседнем участке. Еще Наташа помнила, что на кухне у тети Зины был большой стол, накрытый красивой клеенкой с яркими оранжевыми подсолнухами.

Тетка тогда их практически выгнала неизвестно почему, маленькая Наташа этого не знала и удивлялась тому, что мама плачет, а отец зло молчит.

— Саша, — говорила мама, — ее нужно простить, она потеряла сына.

— Мозги она потеряла, — бурчал отец.

Наташа не понимала, как можно потерять сына, а тем более потерять мозги, и на всякий случай спросила:

— А сын у нее большой?

— Большой, — ответила мама, достала из кармана платок и вытерла слезы.

Сейчас Наташа знает, что у тетки погиб сын, после чего она почему-то прекратила всякое общение с родственниками.

Наташа посмотрела на часы — пора будить Витю, но муж проснулся сам, пошумел водой в ванной и прошел на кухню.

Она поставила на огонь геркулесовую кашу и кастрюльку с водой — для яиц. Виктор завтракал исключительно кашей и двумя яйцами в мешочек. Еще год назад Наташа, давась, тоже ковыряла кашу, которую терпеть не могла, и чувствовала

ла себя виноватой за то, что не любит здоровую пищу. Впрочем, тогда она все время чувствовала себя виноватой.

Она подумала, соорудила себе два бутерброда с сыром и сушила их в духовку.

— Это мне назло, да? — обиженно спросил муж, наблюдая за ее манипуляциями.

— Нет, Витя. — Наташа постаралась, чтобы в голосе не проступило раздражение. — Просто я не люблю кашу. А яйца мне надоели.

— Раньше ты кашу любила.

Наташа промолчала. Трудно, почти невозможно объяснить, почему раньше ей так хотелось ему нравиться, что она согласна была не только есть ненавистную кашу, но и вовсе обходиться без пищи.

Завтракали они в полном молчании, муж насупился и смотрел в сторону. Год назад она немедленно начала бы лебезить, выпрашивать прощение, потом без конца звонила бы ему, пока он не сменит гнев на милость, а сейчас почти не замечала его молчания, вернувшись мыслями сначала к Зинаиде, а потом к предстоящему рабочему дню, и отчего-то испуганно вздрогнула, услышав резкий телефонный звонок.

— Наташа? — удивилась свекровь. Она почему-то всегда удивлялась, услышав Наташин голос, как будто никак не ожидала обнаружить ее в квартире сына. Хотя на самом деле квартира была как раз Наташиной, досталась ей в наследство от бабушки.

— Здравствуйте, Вера Антоновна.

— Витя дома?

— Дома. — Наташа передала трубку мужу.

Почему-то она была уверена, что звонит мама и сейчас скажет что-нибудь про Зинаиду. Вообще-то это едва ли могла быть мама: родители отдыхали в Италии, и если бы позвонили, то, скорее всего, на мобильный. Звонить было дорого, и они предпочитали посылать эсэмэски.

Все-таки мысли о тетке не давали ей покоя.

Наташа достала из сумки сотовый и, не жалея родительских денег, набрала номер.

12 — Мама, ты от Зинаиды давно известия получала?

— Не очень, — замялась мать. — А почему ты спрашиваешь?

После той злосчастной поездки, когда тетка отказалась иметь с ними дело, мама через каких-то не то совсем дальних родственников, не то просто знакомых вышла на Зинаиду соседку Шуру, переписывалась с ней, частенько посылала деньги, чтобы та приглядывала за теткой, и сведения о Зинаиде всегда имела.

— Да так, вспомнила о ней почему-то. Сама не знаю почему.

Нужно выбросить из головы дурацкие мысли. Мало ли что может присниться... Наташа попрощалась с мамой и стала собираться на работу.

Ей повезло — подошедший трамвай шел как раз до офиса, не пришлось пересаживаться на другой транспорт, и в здание она пришла одной из первых. Вообще-то, у них строго регламентированного рабочего дня не было, все приходили и уходили, когда кому удобно. Можно было и совсем не прийти. Нельзя только одного — не сделать свою работу. За это увольняли сразу, безо всяких выговоров и нагоняев.

Фирма уже несколько лет занимала целое крыло большого офисного здания, при входе имелись охрана и электронная система пропусков, фиксирующая приход-уход. Все сотрудники знали, что начальство периодически снимает данные с электронной системы, и старались восьмичасовой рабочий день выдерживать. И Наташа старалась.

Она отперла комнату — в отделе еще никого не было, подошла к своему столу и замерла: что-то было не так. Большой черный кошачий глаз, подарок Виктора, лежал чуть дальше от клавиатуры, чем всегда. Стопка маленьких квадратных листков с каракулями ее заметок для памяти заметно вылезла из-под клавиатуры, а она всегда аккуратно запихивала листочки под нее, чтобы их не было видно.

Наташа включила компьютер и отправилась поливать цветы. Цветов было много, и для нее, единственной женщины в отделе, это было почти дополнительной работой.

Она уже просмотрела электронную почту, как обычно по утрам, и приподняла клавиатуру, чтобы вспомнить по- 13

следние записи на листочках, но неожиданно опустила ее, бессмысленно посмотрела в экран и защелкала мышью, просматривая кадры *своей* программы. Программу Наташа написала года полтора назад от нечего делать, когда один проект был уже закончен, а по другому заказчики все никак не подписывали договор. Программа автоматически запускала фотокамеру при каждом включении компьютера и так же автоматически отключала ее ровно через минуту. Камера фиксировала сидящего перед компьютером.

В пятницу в 22:41 ее компьютер включал Стас Морошин. Он работал в соседнем отделе, и никаких совместных проектов с Наташей у него никогда не было.

Полагалось выключить компьютер и немедленно позвонить директору, но Наташа ошарашенно сидела не шевелясь. Пока не испугалась, что сейчас заплачет неизвестно отчего. Что-то в последнее время она стала слезливой, как мама. Та любила поплакать по малейшему поводу.

Тогда Наташа решительно направилась в соседнюю комнату, мечтая, чтобы Морошин оказался на месте, и облегченно вздохнула, увидев откинувшегося в кресле парня.

— Ты зачем в мой компьютер лез? — ласково спросила Наташа. Увидев Стаса, она сразу как-то успокоилась, ей больше не хотелось плакать, она даже почувствовала себя злой и веселой ведьмой Геллой и почти пожалела незадачливого Морошина, которому сейчас придется совсем несладко.

Он так явно испугался, что Наташа пожалела его еще больше.

— Никуда я не лез! Ты что, спятила? — возмутился он. Возмутился тихо, чтобы никто не слышал.

— Стасик, — Наташа села на свободное кресло и слегка покачалась вправо-влево, — говори быстро и доходчиво, иначе я сейчас Петру Михальчу позвоню. Это я ведь одолжение делаю, время на тебя трачу.

Петр Михайлович Сапрыкин являлся и директором, и хозяином фирмы, Наташа знала, что сотрудники его побаиваются, а молодежь вроде Морошина просто трепещет. Сама Калганова директора не боялась, он ей нравился, и она его

Странно, что она подумала про Морошина «молодежь», как будто себя молодой уже не считала. Стас был, конечно, моложе, но не так уж намного, года на четыре. Ну, может, на пять.

— Не лез я в твой комп, — продолжал шепотом возмущаться Стас.

Наташа вытянула руку и демонстративно полюбовалась кольцом с большим бриллиантом. Кольцо было от фабрикантов, и Наташа давно и всерьез считала его своим талисманом. Фабрикой владел ее прапрадед по отцовской линии, и кольцо было тем немногим, что удалось сохранить после страшных революционных и военных лет. Маме оно не нравилось, она постоянно носила другое, тоже с большим бриллиантом, а это родители подарили Наташе к окончанию института.

— Стас, ты меня задерживаешь.

— Да с чего ты взяла-то? Не лез я в твой комп! Что мне, делать больше нечего?

— Кто в чей компьютер лез? Здравствуйте, — раздался совсем рядом низкий голос.

Наташа и Стас подняли глаза и обомлели: рядом стояли сам директор Сапрыкин, а за ним его заместитель Анатолий Константинович Выдрин. Вообще-то худощавый, импозантный, в дорогом костюме, Выдрин выглядел намного представительней коренастого, с грубоватым лицом Сапрыкина и скорее мог сойти за директора и хозяина. Петр Михайлович же больше напоминал тракториста, надевшего костюм, чтобы покрасоваться на деревенской свадьбе.

Рабочие столы в фирме отделялись друг от друга высокими книжными полками, и заметить входящих в помещение было трудно, вот они и не заметили.

— Здравсте, — в один голос отозвались Наташа и Морошин. При этом Стас побледнел почти до синевы, а Калганова покраснела.

За взлом пароля на чужом компьютере полагалось немедленное увольнение, и они оба это знали.

— Что здесь происходит? — опять спросил директор. — Наташа!

— Ничего, Петр Михалыч, — промямлила она, — это... недоразумение. Мы сами разберемся.

Ей стало жалко дурака Морошина. Да и оказаться в роли «доносчика» не хотелось.

— Ну, смотрите. — Помолчав, Сапрыкин укоризненно покачал головой, и начальство направилось дальше.

— Пришлешь мне письмо! В нем подробно напишешь, зачем полез в мой компьютер. Не напишешь до вечера — завтра все расскажу Петру Михалычу, — прошипела Наташа и отправилась на свое рабочее место.

Часа через два ей неожиданно позвонил Выдрин.

— Зайдите ко мне, пожалуйста, — услышала она приветливый голос.

Выдрина она терпеть не могла непонятно почему: дел с ним никогда не имела, а в общении он был исключительно вежлив, дамам при встрече целовал ручки, голоса никогда не повышал, козней не строил. Дамы в фирме его обожали, а Наташа не любила.

Кабинет заместителя директора располагался в самом конце коридора рядом с директорским, и Наташа по дороге заглянула в комнату Морошина — письма он ей так и не написал. На месте его не оказалось, и она разозлилась: идти к Сапрыкину жаловаться не хотелось.

— Наташа, — строго произнес Анатолий Константинович, едва она закрыла за собой дверь кабинета, — с вашего компьютера в Сеть ушел вирус.

— Что?! — ахнула она.

— Садитесь, — спохватился замдиректора.

— Гаденыш! — выдохнула Наташа, стоя столбом перед столом Выдрина.

— Не понял, — опешил он.

— Это я не вам. Простите, — буркнула она.

— Надеюсь, — усмехнулся Выдрин и кивнул на стул: — Садитесь-садитесь.

Наташа уселась, а он встал и прошелся по кабинету, заложив руки за голову.

— Так что произошло с вашим компьютером? Наташа, это касается не только вас, но и фирмы, и игры в партизан сей-

Ее почему-то покоробили слова про «игры в партизан», но замдиректора был прав, и она призналась:

— Морошин зачем-то залез в мой компьютер в пятницу. В 22:41.

Собственно, он и предполагал нечто подобное, услышав разговор молодых программистов, и сейчас похвалил себя за проницательность.

— А как вы узнали, что это он? — удивился Выдрин.

— Программу написала, — вздохнула Наташа, — когда компьютер включается, программа фиксирует сидящего напротив.

— Зачем?

— Да так... — пожала она плечами, — делать было нечего, вот я и написала.

— Вашу бы энергию да в мирных целях, — усмехнулся он. — Ребята сейчас ваш компьютер «почистят». Погуляйте часок.

Наташа не поняла, какая такая у нее энергия и в каких целях ее нужно использовать, но согласно покивала и вышла из кабинета.

Не нравился ей Анатолий Константинович.

По дороге она опять заглянула в соседнюю комнату, и снова Морошина на месте не оказалось.

Программисты из группы администрирования возились с ее компьютером, делать ей было решительно нечего, и она, послонявшись по офису, отправилась на улицу погулять, порадовавшись, что нет дождя. Впрочем, глаза у нее не накрашены, и дождь ей не страшен.

По московским меркам, фирма располагалась почти рядом с Наташиным домом. В хорошую погоду она даже любила ходить домой пешком, вся прогулка занимала всего минут тридцать, может быть, чуть больше.

Она вдруг замедлила шаг, впервые удивившись, что в последний год ей ни разу не пришлось в голову пройтись пешком. Она больше не прогуливалась и почти перестала краситься, а ведь год назад выйти из дома с ненакрашенными глазами было для нее чем-то совершенно немыслимым.

Она очень изменилась за прошедший год.

Год назад выяснилось, что она ждет ребенка. Виктор очень обрадовался, каждое утро спрашивал, как Наташа себя чувствует, заставил ее закупить дурацких книг о том, как нужно вести себя во время беременности, и постоянно напоминал ей об «ответственности». Наташа никакой «ответственности» не чувствовала, она и без напоминаний не стала бы делать что-то во вред будущему малышу, она, как и раньше, ходила на работу, в магазины, готовила еду и не собиралась относиться к себе как к тяжелобольной.

В такой же промозглый осенний день она стояла на трамвайной остановке. Шел нудный противный дождь, ветер выворачивал зонт, а трамвая все не было. Последнее, что она помнила из того утра, это внезапно закричавшая шедшая навстречу пожилая женщина. Эту женщину в бежевой куртке с капюшоном она помнила так отчетливо, как будто была знакома с ней всю жизнь.

Очнулась Наташа в больничной палате, с удивлением глядя на плачущую мать и как будто мгновенно постаревшего отца. Уже потом она узнала, что мама внезапно и беспричинно забеспокоилась в то утро, заставила папу выяснить через полицейских знакомых, не было ли каких-то несчастных случаев, и родители приехали в больницу, куда привезли Наташу, почти вслед за ней.

Как и почему выехал на тротуар здоровый и абсолютно трезвый водитель надежной машины «Ауди», так никто и не понял. Наташа отделалась легко, много легче других стоявших на остановке людей: только сотрясение мозга, ушибы и сломанная нога. Да еще ребенка не стало...

— Витя знает? — Говорить Наташе было трудно, каждое слово отдавалось болью во всем теле.

— Знает, Ташенька. — Отец наклонился и поцеловал ее в кончики пальцев: вся остальная дочь была покрыта бинтами. — Сейчас приедет.

Папа всегда был строгим, маленькая Наташа его даже слегка побаивалась, и когда ей случалось совершать что-то такое, что могло вызвать хороший нагоняй, мама брала ее прегрешения на себя — на жену отец голоса никогда не повышал. Однажды Наташа зачем-то полезла со стремянки на шкаф и уро-

18 нила тяжелую старинную хрустальную вазу, причем крайне

неудачно — на телевизор. Мама тогда долго ее отчитывала, но папе не выдала, сказав, что сама протирала пыль. Правда, Наташа уже тогда догадывалась, что мама все-таки говорит папе правду, но родители делали вид, что он о шалостях дочери не знает.

С тех пор как Наташа подросла, отец редко целовал ее, разве что в день рождения, и сейчас от его непривычной нежности у нее потекли слезы. Плакать ей тоже было больно, и неудобно лежать на спине, и очень хотелось, чтобы поскорее приехал Витя.

— Ну что же ты!.. — бледный перепуганный Виктор ворвался в палату. — Надо же смотреть, куда идешь!.. Хоть бы о ребенке подумала! Я чуть с ума не сошел...

— Витя! — ахнула мама. — Опомнись! Ты же знаешь, что Гаша не виновата!

А отец, перебив ее, рявкнул:

— Ты что, последние мозги по дороге растерял?! Это что за причитания? Нам сейчас тебя успокаивать прикажешь?! Моя дочь чудом осталась жива... — Он махнул рукой и опять наклонился к Наташе.

Виктор растерянно замолчал, искренне не понимая, что вызвало у ее родителей всплеск негодования. Наташа уже успела по привычке почувствовать себя виноватой в том, что мужу пришлось из-за нее переживать, но ей было так больно, и она так его ждала и так сильно хотела, чтобы он пожалел ее, что слезы полились сплошным потоком. Она закрыла глаза и вдруг пожалела, что не умерла под колесами злополучной машины, и равнодушно удивилась собственным мыслям. Она хорошо понимала Витю: он переволновался, ему было страшно за жену и будущего ребенка, ему необходимо было выплеснуть свои эмоции, а на кого же их еще выплескивать, как не на нее? Не будь рядом родителей, она, наверное, как всегда, начала бы оправдываться, объяснять, что стояла на тротуаре в самом что ни на есть положенном месте, и ждала бы, когда Витя наконец ее пожалеет. Родители были рядом, и ей, лежавшей в бинтах и практически не имевшей возможности пошевелиться, успокаивать здорового мужа было нелепо. Это выглядело бы просто ненормально.

Тогда, год назад, Наташа впервые и сразу поняла, что настоящего мужа, сильного и надежного, на которого всегда можно положиться, у нее нет. Есть только вечно обиженный, хнычущий «большой ребенок», даже в больничной палате неспособный думать ни о ком, кроме себя.

Странно только, что раньше, до аварии, Наташа, хоть и чувствовала себя почти все время виноватой неизвестно в чем и боялась огорчить Витю, всегда соглашалась с ним, даже понимая, что он не прав, но ей с ним все-таки было хорошо и как-то... легко. Вот и пешком она любила ходить, а теперь это просто не приходит ей в голову.

Наташа достала телефон и посмотрела на часы — можно возвращаться, ребята уже должны закончить с ее компьютером.

А все-таки удивительно, что сама она никакого вируса не обнаружила.

Вершинин удачно припарковался прямо напротив собственного подъезда и подумал, что это единственное, в чем ему повезло за весь этот длинный неудачный день. Установку нужно было сдавать заказчику, а платы, которые они заказали в Италии, до сих пор не пришли. Кроме того, выяснилось, что программное обеспечение по непонятным причинам периодически дает сбои, они называли это «сваливается». Программа сваливается, а программист, который ее написал, со вчерашнего дня на больничном — у него поднялась температура, и гонять на работу парня с гриппом Вершинин не хотел.

В этом году повальной эпидемии не было, но часть сослуживцев очень боялась заразиться, некоторые даже начали носить рекламируемые по телевизору маски и казались Вершинину откровенно придурковатыми. Впрочем, он телевизор практически не смотрел и о том, что соответствующие органы призывают население ходить исключительно в масках, знал от тех же сотрудников. Больше всего его удивляло, что паника перед гриппом охватила не только большинство женщин, но и многих мужчин, и если дамам он эту глупость прощал, понимая, что она, глупость, присуща слабому полу, то

20 поведение мужчин вызывало у него откровенное недоумение.